

ТЕАТР: ПРОГНОЗ НА СЕЗОН

Андрей Гончаров, режиссер

СВЕЧА
В ТЕАТРАЛЬНОМ ХРАМЕ

Несмотря на то, что новая рубрика называется «Прогноз», я в прогнозе не верю. Ни в какой. 70 лет мы слышим столько прогнозов и обещаний, вплоть до такого, как «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», что это родило только полное разочарование. А современная ситуация с обилием самых разных, как сейчас принято говорить, альтернативных планов, вариантов, концепций? Чужды мне всякие прогнозы и в нашем театральном деле. Приступая к репетициям нового спектакля, я не знаю, получится он или нет, вызовет ли зрительский интерес, будет ли иметь успех. Я могу только верить и надеяться. Может быть, я суверен, но все 22 года работы в Театре имени Вл. Маяковского я всегда прихожу на сбор труппы в одном и том же костюме и захожу в церковь, где ставлю свечку.

А кто решится сейчас предугадывать, какие тенденции в развитии театра возьмут верх при тех чудовищных центробежных процессах, которые раскалывают коллективы, разрушают сложившиеся формы, угрожают тотальным наступлением масскультуры с ее коммерческим размахом и сексуальным бесстыдством?

Нет уж — не до прогнозов. Дай бог хотя бы разобратся я том, что с нами происходит. По общему признанию, театр переживает кризис. Должен с этим согласиться, хотя до сих пор мы его наблюдали как бы со стороны, а сейчас он так или иначе коснулся и нас. Нам жаловаться еще рано, пока, как говорится, мы контролируем ситуацию — и раздаться на удельные театральные княжества не собираемся, и зритель нас хорошо посещает, и репертуар есть интересный. Но дыхание кризиса, его холодные ветры перемен ощущаются все сильнее.

На улице Герцена, как известно москвичам, уже больше года идут строительно-ремонтные работы — земля вокруг взорвана, изрыта, перекопана, трубы не уложены и тепла нет. Чтобы попасть в театр, надо преодолеть ямы и ухабы. В таком положении, по-моему, оказался не только Театр имени Вл. Маяковского, а весь наш современный советский театр.

Как же нам преодолеть эти ямы и завалы?

Выход мне видится в том, чтобы вернуть в театр то, что он потерял.

Сейчас и политики, и социологи, и ученые-экономисты с одним голосом заявляют, что они в своих разработках и концепциях исходят из необходимости вернуться к человеку. В театре же давно сошли с этой дороги и ищем всякого рода новации в стороне, на боковых извилистых тропках.

Спасение вижу прежде всего в возвращении к принципам русской театральной школы — подлинного нашего приоритета. Исследование человека, художественная правда всегда были предметом драматического искусства русской психологической школы. Суть не в том, насколько современны те или иные элементы системы Станиславского. Может быть, его эстетика в чем-то устарела. Но главное, на что она опиралась — постижение человека — осталось таким же актуальным и ныне. В познании духовного мира человека театру надо идти так же на полшага вперед, как некогда он шел в художественном исследовании новой социальной действительности, в обращении к политическим реалиям, как всегда шел вперед в разговоре о человеке.

Но говорить о принципах русской школы бессмысленно без ощущения тех этических принципов, на которых выросла эта школа. Я не устану повторять Станиславского: этика есть высшая форма эстетики. Исследовать характер театрального искусства — подражать, вообще отношение и делу, сосредоточенность, безыскусность. А в основном сущность эстетических тусовок скрывать эти качества нельзя, тем более нельзя исповедаться. К сожалению, участие актеров в кино и телесъемках, в различного рода кооперативных ватагах и прочих жидких формах масскультуры отнимает чаще всего разрывающее жадное внимание и вносит в жизнь артиста такие помехи, которые далеко уведут его от искусства. Мне все реже приходится видеть спе-

их артистов в хороших фильмах, в интересных ролях. Чаще всего я вижу, как они беззащитно тиражируют ранее найденное в театре, повторяются, а значит, деградируют и разрушаются как художники. Так этические нарушения оборачиваются падением эстетики, актерской профессии. Сегодняшнее постижение человека в психологическом театре диктует иные выразительные средства, более глубинную вспашку.

В связи с этим, я убежден, сегодня театр нужен даже не столько зрителям, с которыми мы так хлопотем, а прежде всего самим артистам. Театр — это генератор идей и способов существования на сцене. Духовный долготерпеливый репетиций и необходимость в течение двух часов спектакля проследить за жизнью человека — это совсем не то, что в кадре или на концертной площадке сыграть уже найденное и сделанное в театре. Даже с точки зрения разумного эгоизма, театр для артистов должен служить резервом тех профессиональных качеств, которые они же используют в массовой культуре. Многие из них это хорошо понимают, и пипут, и говорят (недавно интересно об этом говорил Л. Филатов), но далеко не все из них поступают так, как говорят. Агрессия масскультуры опасна и разрушительна.

Выход я вижу и в том, чтобы в старые мехи влить новое вино. Я говорю о смене поколений. Думаю, у меня есть право говорить на эту важную тему и потому, что я сорок пять лет занимаюсь театральной педагогикой, и потому, что в Театре имени Вл. Маяковского этой проблеме мы уделяем постоянное внимание. Каждый год приглашаем выпускников театральных вузов, в том числе большие группы моих учеников по ГИТИСу или даже целый актерский курс, который, как это было в прошлом году, становится студией-мастерской при театре. Но пригласить и дать роли молодым актерам — это все же полдела. Главное — создать и сохранить студийность, ту атмосферу творчества, которая позволила Вахтангову в голодной Москве 22-го года создать праздник театра — «Принцессу Турандот».

Я убежден, что студийность в нашем коллективном творчестве куда важнее, чем различные новации в организационно-творческих структурах театра, которые я не отрицаю, но и не считаю панацеей от наших бед. Это трюники, а не дорога к жизни, это механизм актерского творчества надолго и в поисках путей к человеку-тиффу. При всей важности «хлеба» в нашем деле, все-таки не хлебом единым живо искусство.

Одна из важнейших составных частей театра — традиция, в том числе репертуар. В новом сезоне мы будем продолжать тему, начатую несколько лет назад. Скажем, тема булгаковского «Бега» найдет развитие в «Событии». В Набокова (его ставит Н. Волков) и в пьесе В. Мазовеца «Бог боится Рея Брандербера» в постановке А. Янина. Включенный в репертуар «Недербург» А. Белого продолжит нашу работу над русской классикой. Афишу пополнит и впервые поставленная на советской сцене пьеса Лопе де Вега «Валенсианские безумцы» в режиссуре Т. Ахрамковой. Ризведку в жанре музыкально-поэтического представления делает режиссер О. Кудряшов на материале прозы и песен Ю. Визбора. Студия-мастерская готовит детский спектакль-мюзикл «Золотой ключик» (стихи В. Окуджавы, музыка А. Окуджавы). На выпускные две мои работы, которые станут ближайшими премьерами: пьеса Т. Ретгана «Никтория» с Н. Гундаревой и А. Джигарханяном в ролях леди Тамплинг и адмирала Нельсона, и последняя пьеса М. Мрожека «Горбун».

Что из всего этого получится — не знаю, потому что я не столько прогнозирую, сколько хочу верить и надеяться.

Сейчас в обществе бродят некие апокалипсические настроения. Но ни во всообщении, ни в театральном апокалипсизме я не верю, а верю в святое искусство, в разговор человека на сцене с человеком в зале. И только это может спасти сегодня театр и помочь всем нам обрести уверенность в своей жизни. Уверенности потому, что ставлю свечу в нашем театральном храме, верю и надеюсь.